

DMITRIJ O. SEROV

ПЕТР I КАК ВЕРШИТЕЛЬ ПРАВОСУДИЯ

В хрестоматийно известном трактате «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей», впервые опубликованном в 1722 г., между иного читается весьма примечательный фрагмент, в котором изложены обязанности образцового государя. Учитывая официальный характер трактата (автором которого прежде общепринято было считать Феофана Прокоповича) следовало бы ожидать, что первой среди этих обязанностей окажется забота о внешней безопасности государства¹. Однако попечение о воинском деле оказалось, как ни неожиданно, помещено лишь на второе место: «Также и да будет крепкое и искусное воинство на защищение всего отечества от неприятеля»².

На первое же место в ряду высочайших обязанностей составитель «Правды воли монаршей» поставил заботу монарха о правосудии: «Да будут же поддании в безпечалии, должен царь пещися да будет истинное в государстве правосудие на охранение обидимых от обидящих»³. Выходит, одобрявший публикацию трактата Петр I полагал, что занятия судопроизводством более важны, нежели занятия по устройению армии и столь любезного его сердцу флота? Или приведенные строки являлись всего лишь риторикой, не отражавшей ни подлинных воззрения, ни реальные приоритеты в деятельности первого российского императора?

Тема личного участия Петра I в отправлении правосудия донныне специально не освещалась ни правоведами, ни историками. В частности, она

1. В последние десятилетия точка зрения, что Феофан Прокопович явился единоличным автором «Правды воли монаршей», подвергнута сомнению. См.: J. Crascraft, «Did Feofan Procopovich Really Write Pravda Voli Monarshei?», *Slavic Review*, 40 (2), 1981, с. 173–193; Э. Лентин, «Авторство «Правды воли монаршей»: Феофан Прокопович, Афанасий Кондоиди», в Н.Д. Кочеткова, отв. ред., *XVIII век*, сб. 21, СПб.: Наука, 1999, с. 33–39. При всей убедительности многих доводов названных авторов, представляется очевидным, что именно Феофан сыграл ключевую роль в подготовке этого сочинения.

2. *Правда воли монаршей во определении наследника державы своей*, М.: Московская типогр., 1722, с. 26.

3. Там же.

оказалась почти никак не затронута в двух современных монографиях, авторы которых углубленно осветили многие проблемы как функционирования судебной системы, так и развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства России петровского времени⁴. Между тем, без прояснения означенной темы невозможно систематически представить, с одной стороны, правительственную деятельность Петра I, а с другой – функционирование государственного механизма России в конце XVII – первой четверти XVIII вв. Итак, какое же место занимала судебная практика в круге занятий первого российского императора?

Прежде всего необходимо отметить, что в законодательстве конца XVII – первой четверти XVIII вв. порядок непосредственного участия российского монарха в судопроизводстве регламентировался фрагментарно⁵. Исключением являлось лишь более детальное регулирование его участия в военно-уголовном процессе⁶. Здесь необходимо вспомнить именной указ от 3 марта 1719 г., в котором устанавливалось обязательное утверждение царем смертных приговоров, вынесенных военными судами лицам, имевшим офицерское звание⁷. Этот порядок был изменен в самом конце правления Петра I: согласно высочайшей резолюции от 11 ноября 1724 г., наложенной на доклад Военной коллегии, на утверждение императора должны были впредь поступать смертные приговоры, вынесенные только старшим офицерам⁸. В данном случае, с формально-юридической стороны монарх выступал в качестве высшей ревизионно-решающей инстанции.

Кроме того, нельзя не вспомнить и Наказ «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г., в котором закреплялось санкционирование главой государства применения пыток в отношении подследственных из числа должностных лиц гражданской администрации от вице-губернатора и выше, а также в отношении старших и высших офицеров⁹. Назначение пыток высокопоставленным лицам допускалось в России только с разрешения монарха, несомненно, с весьма давних времен, однако лишь в 1717 г.

4. C. Schmidt, *Sozialkontrolle in Moskau. Justiz, Kriminalität und Leibeigenschaft: 1649–1785*, Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1996, с. 116–169; N.S. Kollmann, *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge: Cambridge University Press, 2012, с. 177–202, 258–279. Уместно отметить, что в названной монографии Н. Коллманн подробно рассмотрела вопрос об отношении Петра I к смертной казни и процедуре ее исполнения (с. 403–415).

5. Вопрос о таковой регламентации в допетровский и послепетровский периоды требует дальнейшего осмысления.

6. В литературе судебные полномочия российского монарха в конце XVII – первой четверти XVIII вв. кратко осветила единственно Т.Е. Новицкая (Т.Е. Новицкая, «Права и преимущества императора и членов императорской фамилии», в А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой, ред., *Законодательство Петра I*, М.: Юридическая литература, 1997, с. 49–50).

7. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*, т. 5, СПб.: Типогр. II Отделения е. и. в. канцелярии, 1830, № 3316, с. 670.

8. Там же, т. 7, № 4589, с. 361.

9. РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 1329, оп. 1, кн. 27, л. 68–68 об.

эта процедура впервые оказалась прописана *de jure*. Наряду с этим, именным указом от 7 марта 1721 г. на обязательное утверждение царя было предписано направлять приговоры, вынесенные Сенатом по делам о казнокрадстве¹⁰. В именных указах от 17 марта 1714 г. и от 19 декабря 1718 г. об укреплении инстанционности в судопроизводстве было в общем виде обозначено положение монарха как суда четвертого (высшего) звена¹¹.

Необходимо отметить, что в ст. 6 именного указа от 19 декабря 1718 г. дополнительно оговаривалось, что на рассмотрение царя могли передаваться исключительно те судебные дела, разрешение которых вызвало затруднения у Правительствующего Сената. В свою очередь, согласно ст. 4 того же указа и ст. 4 «Должности Сената» в редакции от декабря 1718 г., дела могли поступать в судебное производство Сената лишь по распоряжению монарха. Сходный порядок был закреплен и в ст. 4 «Должности Сената» в редакции от 27 апреля 1722 г. (в которой прописывалась также процедура передачи соответствующих высочайших указаний через генерал-рекетмейстера)¹².

Наконец, невозможно обойти упоминанием подборку законодательных актов 1700–1718 гг., в которых устанавливался особый порядок судопроизводства по делам о государственных преступлениях и о преступлениях против интересов службы и предусматривалось личное участие царя в возбуждении подобных дел. Причем это высочайшее вмешательство обуславливалось непосредственным обращением подданных.

Своеобразие ситуации в данном случае заключалось в том, что, хотя традиция обращения подданных к монарху (право челобитья) существовала, как известно, с глубокой древности, эта процедура длительное время никак не регламентировалась. Первая таковая регламентация – в виде ограничения права челобитья – последовала в России лишь в середине XVII в., в связи с внесением в ст. 20 гл. 10-й Уложения 1649 г. нормы о запрете частным лицам обращаться к царю, минуя центральные органы («в приказе не бив челом»)¹³. В последующем законодательстве XVII в. данный запрет не повторялся.

10. РГАДА (Российский государственный архив древних актов), ф. 1451, кн. 13, л. 49.

11. Н.А. Воскресенский, сост., Б.И. Сыромятников, ред., *Законодательные акты Петра I*, т. 1, М.–Л.: Изд. АН СССР, 1945, с. 361–362, 377–379.

12. Там же, с. 289, 295, 378–379.

13. А.Г. Маньков, ред., *Российское законодательство X–XX вв.*, т. 3, М.: Юридическая литература, 1985, с. 104–105. М.А. Чельцов-Бебутов интерпретировал запретительную норму названной статьи как относившуюся исключительно к судебным делам (М.А. Чельцов-Бебутов, *Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах*, [2-е изд.], СПб.: Альфа; Равена, 1995, с. 675). Между тем, уже в начальной фразе ст. 20 гл. 10-й говорится о «людях, которым... доведется о судных своих и о иных каких делах бити челом государю». Из этого со всей очевидностью следует, что в ст. 20 гл. 10-й Уложения 1649 г. ограничивалось право челобитья как такового, вне зависимости от содержания челобитной. Для полноты картины необходимо добавить, что в ст. 22 гл. 2-й Уложения было косвенно (хотя и недвусмысленно) подтверждено право «служилых и иных чинов людей» на подачу коллективной челобитной с жалобой на воевод и других представителей государственного аппарата (*Российское законодательство X–XX вв.*, т. 3, с. 89).

В первом из означенных актов 1700–1718 гг. – именном указе от 2 февраля 1700 г. – речь шла о праве подданного извещать непосредственно верховную власть о «великих государственных делах»¹⁴. При всей нечеткости приведенной формулировки, возможно с уверенностью предположить, что под «великими государственными делами» Петр I подразумевал в данном случае как популярные в те годы предложения об увеличении государственных доходов, так и сообщения об особо важных государственных преступлениях. Тем самым, в законе от 2 февраля 1700 г. впервые в истории российского права оказалось прямо закреплено (хотя и в расплывчатой форме) право подданных обращаться непосредственно к монарху с сообщением о преступлении¹⁵.

Данная линия нашла продолжение в именном указе от 23 октября 1713 г., собственноручно написанном Петром I. В этом законе закреплялось право любого жителя страны – «от первых даже до земледельцоф» – извещать непосредственно монарха о «грабителях народа» (то есть о преступной деятельности должностных лиц всех уровней)¹⁶. В изданном два месяца спустя именном указе от 23 декабря 1713 г. подданным дозволялось сообщать лично царю о таких преступлениях как умысел на «государское здоровье», оскорбление «высокомонаршей чести», бунт и измена, что являлось очевидной конкретизацией формулировки о «великих государственных делах» из именного указа от 2 февраля 1700 г.¹⁷ Своего рода синтезом отмеченных указов 1713 г. явился именной указ от 25 января 1715 г. Здесь Петр I сформулировал знаменитые «три пункта», содержавшие составы особо тяжких преступлений, о подготовке или совершении которых только и допускалось напрямую извещать верховную власть. В первых двух пунктах (почти в полном соответствии с именным указом от 23 декабря 1713 г.) фигурировали государственные преступления: посягательство на жизнь самодержца, измена и бунт. В третьем пункте речь шла о казнокрадстве¹⁸. По смыслу рассмотренных законодательных актов самодержец выступал (в оговоренных случаях) в роли инициатора уголовного преследования.

Остается добавить, что впервые закрепленный в именном указе от 23 октября 1713 г. особый порядок судопроизводства по делам о

14. *Полное собрание законов*, т. 4, № 1748, с. 3. Более исправную публикацию текста указа см.: *Дворцовые разряды*, т. 4, М., 1855, стб. 1112–1113.

15. В целом же рассмотренный закон несомненно продолжил отмеченную выше линию Уложения 1649 г. на ограничение права челобитья.

16. *Законодательные акты Петра I*, с. 361.

17. *Полное собрание законов*, т. 5, № 2756, с. 76.

18. *Законодательные акты Петра I*, с. 364. В литературе о названном именном указе см.: Е.В. Анисимов, *Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке*, М.: Новое литературное обозрение, 1999, с. 19–20; Н.Н. Покровский, «Законодательные источники о “слове и деле государевом”», *Публицистические и исторические сочинения периода феодализма: сборник научных трудов*, Новосибирск: Наука, 1989, с. 420–422; J. LeDonne, *Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order: 1700–1725*, Oxford: Oxford University Press, 1991, с. 206–207.

преступлениях против интересов службы сохранялся до издания именного указа от 19 января 1718 г., по которому из вышеприведенного списка 1715 г. был по существу исключен третий пункт¹⁹. Окончательно же третий пункт именного указа от 25 января 1715 г. утратил силу в связи с изданием именного указа от 19 декабря 1718 г. об укреплении инстанционности в судопроизводстве. Согласно ст. 7 названного указа, заявления о казнокрадстве надлежало подавать ординарным порядком в фискальские органы²⁰.

Примечательно, что и в проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг. было внесено (в подготовленную в октябре 1723 г. статью 42 гл. 2-й кн. 1) законодательное предположение о допустимости извещать непосредственно монарха именно по первым двум пунктам именного указа от 25 января 1715 г. В качестве альтернативы заявление по этим пунктам предписывалось подавать в канцелярию Сената²¹. Рассмотренными законодательными актами исчерпывалась нормативная основа участия самодержца в российском судопроизводстве конца XVII – первой четверти XVIII вв.

Как же складывалось участие Петра I в судопроизводстве на практике? Для начала следует отметить, что, несмотря на длительные поиски в архивных фондах и опубликованных сборниках документов, автору не удалось к настоящему времени выявить ни единого эпизода участия первого российского императора в судебном разрешении гражданских дел.

Известно, правда, два случая, когда Правительствующий Сенат направлял на высочайшее рассмотрение дела о жалованной части наследства скончавшихся высших должностных лиц, не имевших наследников первой очереди. 31 марта 1721 г. царю было представлено дело о соответствующей части наследства покойного сенатора Т.Н. Стрешнева, а 22 сентября того же года – о наследстве покойного президента Военной коллегии А.А. Вейде²². Однако в обоих эпизодах речь шла, строго говоря, не о вынесении судебных решений (поскольку отсутствовал судебный спор), а об определении дальнейшей судьбы населенных имений, ранее пожалованных названным лицам Петром I.

Напротив, к уголовному судопроизводству первый российский император испытывал устойчивый интерес на протяжении многих лет, нередко принимая участие как в судебном, так и в досудебном производстве по различным делам. Монарх-реформатор возбуждал уголовное преследование, принимал решения о мерах пресечения, допрашивал обвиняемых и свидетелей, санкционировал различные следственные действия (прежде всего, применение пыток), выносил или – чаще – утверждал приговоры.

Затруднительно в точности сказать, насколько широко оказались реализованы на практике нормы законодательных актов 1700–1718 гг. об особом

19. *Законодательные акты Петра I*, с. 367.

20. Там же, с. 379.

21. РГАДА, ф. 342, оп. 1, кн. 33, ч. 1, л. 120б.

22. Там же, ф. 248, кн. 1887, л. 129–130 об., 308–309 об.

порядке судопроизводства по делам о государственных преступлениях и о преступлениях против интересов службы. Статистика подобного рода в те времена не велась. По всей видимости, сосредоточенному на решении военных, дипломатических и финансовых вопросов, нередко болевшему Петру I было чаще всего недосуг лично выслушивать заявления подданных о государственных и должностных преступлениях.

Одним из явственно немногих примеров реализации на практике норм именных указов от 25 января 1715 г. и от 19 декабря 1718 г. об особом порядке судопроизводства по государственным преступлениям явился эпизод с холопом прапорщика Т.С. Скобеева Акимом Ивановым. Подслушав откровения хозяина об особенностях бытового поведения Петра I, холоп пришел 17 апреля 1721 г. в царскую резиденцию в селе Преображенском, где объявил «слово и дело» караульному офицеру. Извetchика незамедлительно препроводили к царю. И хотя Петр I резонно счел извет «неважным», он направил дело на рассмотрение в Тайную канцелярию, которая и приговорила 1 мая 1722 г. излишне болтливому Тимофею Скобееву к телесному наказанию²³.

Особый порядок судопроизводства по делам о преступлениях против интересов службы на практике оказался, по всей видимости, еще менее эффективным. В условиях второго десятилетия XVIII в. было, конечно, нереально обеспечить – бывшее возможным разве что в удельные времена – широкое личное участие главы государства в разбирательстве дел о противоправной деятельности представителей власти. Думается, именно воспоминания о собственных попытках заняться разбирательством доношений о «грабителях народа», предпринятых в середине 1710-х гг., побудили Петра I эмоционально высказаться в собственноручно написанной преамбуле к именованному указу от 19 декабря 1718 г. о том, что «кому бьют челом [царю], одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята... И хотя б и таких трудов не было, возможно ль одному человеку за так многими усмотреть, воистинну не точно человеку, ниже ангелу, понеже... где присутствует, инде его нет»²⁴.

Среди судебных дел, особенное внимание монарха-реформатора привлекали, во-первых, дела по государственным преступлениям, а во-вторых, дела по обвинениям высокопоставленных должностных лиц в преступлениях против интересов службы. Примеров разнообразного участия Петра I в разбирательстве дел по государственным преступлениям известно множество – достаточно обратиться к трудам В.И. Веретенникова, Н.Б. Голиковой и Е.В. Анисимова²⁵.

Из обширной череды таких дел более всего времени Петр I уделил (что легко понять) процессу царевича Алексея Петровича. Здесь царь принял самое

23. М.И. Семевский, *Слово и дело! 1700–1725*, СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1884, с. 50–51.

24. *Законодательные акты Петра I*, с. 377.

25. В.И. Веретенников, *История Тайной канцелярии Петровского времени*, Харьков: Печатное дело, 1910, с. 82–85, 109–130, 167 и др.; Н.Б. Голикова, *Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа*, М.: Изд. МГУ, 1957, с. 38–41, 44, 47–50, 52, 54, 61 и др.; Анисимов, *Дыба и кнут*, с. 98–102, 110, 173–174 и др.

активное участие как в предварительном следствии (осуществлявшимся специально учрежденной канцелярией под руководством П.А. Толстого), так и в судебном производстве по делу (которое велось особым судебным присутствием)²⁶. К примеру, когда поступили данные о пособничестве царевичу со стороны генерал-лейтенанта князя В.В. Долгорукова, Петр I незамедлительно возбудил его уголовное преследование и санкционировал арест (произведенный в Санкт-Петербурге 20 февраля 1718 г. лично генерал-губернатором и президентом Военной коллегии А.Д. Меншиковым). Вслед за этим, 9 марта 1718 г., будущий император допросил доставленного в село Преображенское подследственного. Наконец, после того как особое судебное присутствие 14 марта 1718 г. приговорило Василия Долгорукова к лишению чинов, конфискации имущества и ссылке, царь 5 июля 1718 г. утвердил приговор, избрав осужденному в качестве места ссылки город Соликамск²⁷.

Если говорить о делах по преступлениям против интересов службы, то неизменным вниманием Петра I пользовались те из них, которые находились в производстве подчиненных непосредственно ему «майорских» следственных канцелярий. Достаточно сказать, что только главе первой из таких канцелярий гвардии майору князю М.И. Волконскому царь направил в ноябре 1713 – марте 1715 гг. шесть писем, содержавших указания по проведению следствия по «архангельскому делу»²⁸.

Распределение уголовных дел по «майорским» канцеляриям Петр I осуществлял также самолично. К примеру, 9 декабря 1717 г. будущий император направил в производство следственной канцелярии Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова возбужденные фискальской службой дела по обвинениям гвардии капитана князя А.Л. Долгорукова, архангелогородского вице-губернатора П.Е. Лодыженского, архангелогородского обер-комиссара Д.А. Соловьева, бывшего архангелогородского вице-губернатора А.А. Курбатова, рижского губернатора князя П.А. Голицына, сенатора М.М. Самарина, комиссара П.И. Власова и дьяка П.К. Скурихина²⁹.

Сохранилось уникальное свидетельство о реакции современников на участие Петра I в проводившемся следственной канцелярией В.В. Долгорукова в 1714–1715 гг. предварительном следствии по возбужденному фискальской службой «подрядному делу», в котором оказалась замешана группа

26. Освещение процесса Алексея Петровича в современной литературе см.: С.В. Ефимов, *Политический процесс по делу царевича Алексея Петровича*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, СПб., 1997; P. Bushkovitch, *Peter the Great: The Struggle for Power: 1671–1725*, Cambridge: Cambridge University Press, 2001, с. 383–425. Как известно, в ходе процесса дело дошло и до личного участия Петра I в пытках царевича (об этом мрачном сюжете см., в первую очередь: Г.В. Есипов, «Кабачок “Маргъшка”: эпизод 1718–1719 гг.», *Русский вестник*, № 11, 1860, с. 115–126).

27. РГАДА, ф. 6, № 55, л. 1–2об., 9–9об., 14 об.–15, 19–19об. В литературе о процессе над В.В. Долгоруковым 1718 г. наиболее подробно см.: Н.Г. Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 6, СПб.: Типогр. II Отделения е. и. в. канцелярии, 1859, с. 195–201.

28. РГИА, ф. 1329, оп. 1, кн. 27, л. 9, 11, 18–19, 28, 40, 46.

29. Там же, л. 69–70об.

высших должностных лиц. Вот что писал на исходе 1714 г. находившемуся в Голландии брату Осипу весьма осведомленный дворецкий А.Д. Меншикова Ф.А. Соловьев: «Светлейший князь [А.Д. Меншиков] в великой конфузии, и все в самом печальном образе, понеже царское величество зело прилежно сие дело [подрядное] сам розыскивает и не токмо сие, но и всякия дела сам обещается пересмотреть и наказать как за большое, так и за малое равно, о чем все трясутся...»³⁰. «Трястись», впрочем, было от чего. Впечатленный масштабами вскрывшихся фальшивых подрядов, Петр I распорядился попытать сановных фигурантов дела. В присутствии царя 27 ноября и 13 декабря 1714 г. поднимали на дыбу сенатора Г.И. Волконского, 27 ноября – санкт-петербургского вице-губернатора Я.Н. Римского-Корсакова³¹.

Не меньше внимания Петр I уделил и многим другим делам по обвинению высокопоставленных лиц в «преступлениях должности своей». Так, монарх принял самое активное участие в процессе по делу сенатора и вице-президента Коллегии иностранных дел барона П.П. Шафирова и обер-прокурора Сената Г.Г. Скорнякова-Писарева. Император сыграл решающую роль на всех стадиях названного процесса: от возбуждения 9 января 1723 г. в отношении Петра Шафирова и Григория Скорнякова-Писарева уголовного преследования до утверждения вынесенных им 13 февраля 1723 г. приговоров³². Участвуя в процессе, Петр I досконально вникал даже в прямо не относившиеся к делу эпизоды, которые вскрывались по ходу допросов подсудимых и свидетелей. К примеру, проверив фигурировавшие в показаниях Г.Г. Скорнякова-Писарева сведения о подозрительных обстоятельствах назначения на должность вице-президента Ярославского надворного суда князя А.М. Шейдякова, император распорядился не принимать их во внимание, наложив пространную резолюцию: «Отставить, для того что доносил, что он за простотою своею не годен, а преступления он за ним никакого не знает»³³.

Много внимания уделил Петр I и начавшемуся в 1722 г. процессу над обер-фискалом А.Я. Нестеровым. В частности, император принял участие во всех трех допросах Алексея Нестерова под пыткой: 30 января 1723 г., 16 и 18 января 1724 г.³⁴ 29 января 1723 г. Петр I даже собственноручно написал

30. РГИА, ф. 1329, оп. 1, кн. 27, л. 286об. Письмо было изъято в амстердамской конторе О.А. Соловьева в 1717 г. в ходе обыска, произведенного в рамках расследования «архангельского дела».

31. *Походный журнал 1714 года*, СПб., 1854, с. 144–145, 148. В литературе о «подрядном деле» см.: Н.И. Павленко, *Петр Великий*, М.: Мысль, 1994, с. 501–503; Bushkovitch, *Peter the Great*, с. 322–334.

32. РГАДА, ф. 248, кн. 300, л. 10–11, 14, 58 и др. Публикацию (в виде пересказа) основной части материалов судебного производства по делу П.П. Шафирова и Г.Г. Скорнякова-Писарева см.: П.И. Иванов, «Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым», *Журнал Министерства юстиции*, т. 1, ч. 3, 1859, с. 8–62.

33. РГАДА, ф. 248, кн. 300, л. 72.

34. Там же, кн. 273, л. 428, 633, 635. Стоит заметить, что первый раз Петр I санкционировал применение к А.Я. Нестерову пытки, когда еще находился в Персидском походе

вопросы к предстоявшему допросу обер-фискала. Вопросы эти предварялись эмоциональным рассуждением о том, что «никому так о том [преступной деятельности иных должностных лиц] сведомому быть невозможно как тебе: первое, по чину фискалскому, второе, понеже прибежище всех воров был...»³⁵.

На сегодня известен единственный случай, когда первый российский император прекратил (по непонятной причине) уголовное преследование высокопоставленного должностного лица. Этим лицом был старейший сенатор, генерал-пленипотенциар-кригскомиссар князь Я.Ф. Долгоруков. По успешно расследованному канцелярией И.И. Дмитриева-Мамонова эпизоду о незаконном заимствовании Яковом Долгоруковым 50 тысяч рублей из кассы Военной канцелярии для коммерческой «прокрутки», сенатор был в 1718 г. предан Генеральному военному суду под председательством А.А. Вейде. Приговор по этому делу не состоялся, поскольку Петр I неожиданно остановил судебный процесс³⁶.

В итоге, подозревавшийся в многократном получении взяток и злоупотреблении должностными полномочиями, состоявший под следствием трех «майорских» канцелярий, Я.Ф. Долгоруков не понес никакой ответственности. Более того: оказавшись, по высочайшей воле, подследственным (а затем и подсудимым), князь Яков Федорович никак не пострадал карьерно. Царь не вывел князя из числа сенаторов, сохранил за ним пост президента новоучрежденной по образцу шведской *Kammarrevisionen* Ревизион-коллегии (на каковой Я.Ф. Долгоруков был определен, что характерно, менее недели спустя после того, как попал под следствие – 15 декабря 1717 г.³⁷).

Впрочем, внимание царя привлекали не только уголовные дела с участием сановных подследственных и подсудимых. Вполне активное участие Петр I принял в процессе по обвинению группы ординарных служащих Ревельской адмиралтейской провиантской канцелярии во взятках и хищении казны («ревельском адмиралтейском деле»)³⁸. Получив сведения о злоупотреблениях ревельских военно-морских интендантов, царь счел дело настолько важным, что 8 августа 1718 г. распорядился направить его для предварительного расследования в Тайную канцелярию³⁹. Некоторые фигуранты этого дела

– в письме к главе следственной канцелярии генерал-прокурору П.И. Ягужинскому от 15 октября 1722 г. из Астрахани (РГИА, ф. 1329, оп. 1, кн. 28, л. 3). Сообразно с высочайшим дозволением, «застенок» Алексею Нестерову был назначен постановлением следственной канцелярии от 8 ноября 1722 г. (РГАДА, ф. 248, кн. 273, л. 226–230). Однако, как явствует из материалов дела, намеченный допрос подследственного под пыткой так и не состоялся, будучи отложен до возвращения императора из похода.

35. РГАДА, ф. 9, отд. 1, кн. 58, л. 572.

36. Там же, ф. 11, № 371, л. 5–8об.

37. *Законодательные акты Петра I*, с. 220. Если при этом вспомнить, что Ревизион-коллегия отвечала за финансовый контроль в стране, то обрисованная ситуация приобретает и вовсе абсурдный оттенок.

38. Подробнее об этом процессе см.: В.И. Самойлов, «О первых узниках Петропавловской крепости», *Советское государство и право*, № 10, 1956, с. 119–121.

39. Анисимов, *Дыба и кнут*, с. 110.

были в 1720 г. осуждены военным судом, а комиссар Я. Лопухин 4 августа 1720 г. – Правительствующим Сенатом⁴⁰.

Стоит заметить, что личное присутствие монарха на допросах нередко оказывало на подследственных и подсудимых значительное психологическое воздействие, способствуя даже признательных и откровенных показаний. К примеру, именно в ходе допроса 5 февраля 1723 г., проходившего с участием императора, судья Московского надворного суда бывший обер-фискал М.В. Желябужский признался в подлоге завещания вдовы Акулины Поливановой⁴¹.

Из числа судебных органов, повышенный интерес Петра I привлекала, конечно, работа специализированных судов по государственным преступлениям – Тайной канцелярии и Преображенского приказа. Показательно, что 25 ноября 1718 г. царь установил себе особый день (понедельник) для посещения Тайной канцелярии⁴².

Напротив, с судебной деятельностью Правительствующего Сената монарх соприкасался лишь эпизодически. Как явствует из архивных материалов и фундаментальной публикации Н.А. Воскресенского, за 1719–1724 гг. Петр I направил на судебное рассмотрение Сената лишь 14 дел. Например, 11 марта 1721 г. царь передал в судебное производство Сената расследованное канцелярией И.И. Дмитриева-Мамонова дело бывшего сибирского губернатора М.П. Гагарина, а 18 мая 1722 г. – расследованное канцелярией С.А. Салтыкова дело бывшего воронежского вице-губернатора С.А. Колычева⁴³. Относящихся же к 1719–1725 гг. фактов направления Петром I на рассмотрение Сената дел из Юстиц-коллегии выявить к настоящему времени не удалось. Таким образом, в этот период нормы, закрепленные в ст. 4 именного указа от 19 декабря 1718 г. и в ст. 4 «Должности Сената» от декабря 1718 г., остались мертвой буквой.

В последние годы жизни наибольшее внимание первый российский император уделял учрежденному в 1723 г. в качестве высшего органа правосудия Вышнему суду. В частности, сохранились реестры дел суда с многочисленными высочайшими резолюциями, наложенными 24 октября и 9 декабря 1723 г.⁴⁴. А в составленном императором 13 января 1724 г. распределении занятий по дням недели значилось: «...В [Вышнем] суде – среды вечер и четвертка утро»⁴⁵. Данный распорядок отнюдь не остался на бумаге: как явствует из походного журнала Петра I, за вторую половину января 1724 г. он посетил Вышний суд восемь раз⁴⁶.

40. РГАДА, ф. 248, кн. 1886, л. 154об.–156.

41. Там же, кн. 273, л. 440.

42. Веретенников, *История Тайной канцелярии Петровского времени*, с. 109–110.

43. РГАДА, ф. 1451, кн. 13, л. 52; Там же, ф. 248, кн. 1888, л. 311об.

44. РГИА, ф. 1329, оп. 1, кн. 28, л. 13–25об., 37–48.

45. *Законодательные акты Петра I*, с. 259.

46. *Походный журнал 1724 года*, СПб., 1854, с. 34–36.

Систематические данные о количестве как вынесенных, так и утвержденных Петром I приговоров на сегодня не установлены. Исходя из архивных материалов и сведений, приведенных в литературе, возможно лишь предположить, что количество таких приговоров исчислялось сотнями. Например, по подсчетам Н.Б. Голиковой, только за 1700–1705 гг. по делам, находившимся в производстве Преображенского приказа, царь вынес более 50 приговоров⁴⁷.

В качестве судьи Петр I действовал не всегда строго последовательно. Скажем, в 1698 г. будущий император приговорил к смертной казни жену стряпчего конюха Аксинью Трусову и ее холопа Григория Леонтьева. Осужденные были изобличены Преображенским приказом в произнесении «непристойных речей». Беседуя между собой о жестокости царской расправы над восставшими стрельцами, они пришли к крамольному выводу о том, что Петр I «ожидовел и бес тово де он жить не может, чтоб ему некоторый день крови не пить». Между тем, три года спустя, в явственно сходном случае, царь вынес более мягкий приговор. В 1701 г. он осудил к наказанию кнутом, урезанию языка и пожизненной ссылке в монастырь в Вологде посадскую дочь Евдокию Часовникову, признанную виновной в произнесении фразы: «Которого де дни великий государь и стольник князь Ромодановский крови изопьют, того де дни в те часы они веселы, а которого дни они крови не изопьют, и того дни им и хлеб не ес[т]ца»⁴⁸.

Что касается существа деятельности Петра I по утверждению приговоров, то он либо подтверждал, либо смягчал их, но никогда не отменял (вовсе освобождая осужденных от наказания) и почти никогда не ужесточал. На сегодня в литературе и среди архивных материалов довелось встретить всего два эпизода ужесточения первым российским императором санкции при утверждении приговора.

Первый эпизод имел место в связи с уголовным делом о побеге из Москвы в 1703 г. высокопоставленного пленника – бывшего бея крымской крепости Кызы-Кермен. В содействии побегу были изобличены трое приезжих украинцев и двое крестьян подмосковного села Кувекино (последние выступили в роли извозчиков, а также десять дней прятали беглеца у себя в селе, в бане). 9 февраля 1705 г. судебное присутствие Боярской думы приговорило всех подсудимых к семи годам каторжных работ. Не согласившись со столь мягким приговором, 13 февраля 1705 г. царь указал «тех черкас и извозчиков казнить смертью»⁴⁹.

Во втором случае дело касалось комиссара А. Дирина, который был в октябре 1718 г. изобличен особым военно-судебным присутствием в незаконной продаже казенного леса для строительства дома генерал-майору Г.П. Чернышеву. За эти деяния Алексей Дирин был приговорен к штрафу в 500 рублей и возмещению стоимости проданного леса в 100 рублей. Несмотря

47. Голикова, *Политические процессы при Петре I*, с. 39.

48. Там же, с. 47, 50.

49. Там же, с. 44.

на то, что подобный штраф являлся весьма значительным⁵⁰, царь существенно усилил санкцию, определив комиссару, помимо штрафа, наказание кнутом и ссылкой на каторгу на один год⁵¹.

Напротив, примеров смягчения приговоров Петром I известно множество. Так, из восьми смертных приговоров, вынесенных судебным присутствием Боярской думы в июне–октябре 1700 г. за ложные изветы, царь утвердил единственный – лжеизветчику, который оказался виновен еще и в подделке документа. Остальным осужденным смертная казнь была заменена на наказание кнутом, клеймение и ссылку в Азов и Сибирь⁵².

Смертный приговор, вынесенный 16 июля 1712 г. военным судом уличенному во взяточничестве гвардии поручику Н.Т. Ржевскому, будущий император заменил на телесное наказание и ссылку в Сибирь⁵³. Аналогично Петр I поступил и с майором Петром Сомовым, приговоренным Правительствующим Сенатом к смертной казни за укрывательство трех дезертиров и вырубку заповедного леса. 6 ноября 1715 г. царь заменил П. Сомову смертную казнь пятью годами каторжных работ⁵⁴.

Помиловал Петр I и бывшего фискала И.Д. Тарбеева, избличенного в предъявлении ложного обвинения во взяточничестве и приговоренного 25 ноября 1718 г. особым военно-судебным присутствием к смертной казни. Вместо казни царь определил Ивану Тарбееву вырезание ноздрей и пожизненную ссылку на каторгу⁵⁵. Сходным образом будущий император поступил и с приговоренным в 1720 г. Сенатом к смертной казни фигурантом «ревельского адмиралтейского дела» Яковом Лопухиным. Взамен казни ему были назначены наказание кнутом, вырезание ноздрей и вечная каторга⁵⁶.

А вот начальнику Морского комиссариата генерал-майору Г.П. Чернышеву, осужденному 6 октября 1718 г. особым военно-судебным присутствием за злоупотребления при строительстве Санкт-Петербургского дома к лишению чинов и конфискации имущества, Петр I при утверждении приговора снизил наказание до ареста на пять дней и штрафа в 372 рубля⁵⁷. Смягчил император и приговор, вынесенный особым судебным присутствием сенатору

50. Годовое жалованье комиссара в Санкт-Петербурге, согласно именному указу от 28 января 1715 г., составляло 120 рублей (*Полное собрание законов*, т. 5, № 2879, с. 139).

51. РГАДА, ф. 285, оп. 1, кн. 5947, № 185, л. 9.

52. Голикова, *Политические процессы при Петре I*, с. 54.

53. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив), ф. 2583, оп. 1, № 5, л. 46–46об. О деле Н.Т. Ржевского см.: Д.О. Серов, «Из истории военной юстиции Петровского времени: процесс Н.Т. Ржевского (1710–1714)», *Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762)*: сборник матер. всерос. научн. конф., вып. 2, СПб.: ВИМАИВиВС, 2002, с. 41–43.

54. РГАДА, ф. 1451, кн. 10, л. 40.

55. Там же, ф. 285, оп. 1, кн. 5947, № 185, л. 8–8об.

56. Самойлов, «О первых узниках Петропавловской крепости», с. 121.

57. РГАДА, ф. 285, оп. 1, кн. 5947, № 185, л. 8об.–9.

П.П. Шафирову: в качестве замены смертной казни осужденному были определены ссылка в Якутию, лишение чинов и конфискация имущества⁵⁸.

Признанному Вышним судом виновным в получении двух взяток и халатности кронштадтскому таможенному бурмистру Ф.А. Болотному Петр I смягчил приговор и вовсе дважды. Для начала, присутствуя на заседании Вышнего суда 15 января 1724 г., император отменил решение суда о смертной казни бывшего бурмистра, назначив ему взамен наказание кнутом и ссылкой на каторгу на пять лет. Затем, утверждая приговор, вынесенный Вышним судом 23 января 1724 г., Петр I сократил срок назначенной Федору Болотному каторги до трех лет⁵⁹.

Заметно смягчил глава государства и приговор уличенному в пособничестве обер-фискалу А.Я. Нестерову подьячему Ф. Щетинину, которого Вышний суд приговорил 23 января 1724 г. к наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и пожизненной каторге. На данный приговор Петр I наложил утверждающую резолюцию: «Кроме вырезания ноздрей, а время на 10 лет»⁶⁰.

Помиловал император также бывшего ярославского фискала А.И. Никитина, приговоренного Вышним судом 22 января 1724 г. за получение трех взяток к смертной казни. На приговоре Алексею Никитину Петр I лаконично начертал: «Политическою смертию», - что подразумевало вырезание ноздрей, наказание кнутом и ссылкой на каторгу. Более того: как явствует из пометы в судебном деле, перед самым приведением приговора в исполнение палач получил указание не наносить А.И. Никитину более 25 ударов кнутом, что значительно повышало шансы осужденного выжить после телесного наказания⁶¹.

Из шести высших должностных лиц, приговоренных в первой четверти XVIII в. различными судебными органами к смертной казни за преступления против интересов службы, казнено было лишь двое. Подтверждающие резолюции («учинить по сенатскому приговору» и «быть по сему») Петр I наложил лишь на смертные приговоры, вынесенные Правительствующим Сенатом 14 марта 1721 г. бывшему сибирскому губернатору М.П. Гагарину и Вышним судом 22 января 1724 г. бывшему главе фискальской службы А.Я. Нестерову⁶².

Причины, по которым Петр I смягчал приговоры, далеко не всегда понятны, тем более что сам он разъяснял их крайне редко. Исходя из особенностей природы первого российского императора, отличавшегося очевидным безразличием к людским страданиям, возможно с уверенностью предположить, что, отменяя смертные приговоры, он руководствовался отнюдь не

58. РГАДА, ф. 248, кн. 300, л. 263–266.

59. Там же, кн. 30, л. 185.

60. Там же, кн. 273, л. 701–701об.

61. Там же, кн. 274, л. 1443, 1444об.

62. РГИА, ф. 1329, оп. 1, кн. 17, л. 96об.; РГАДА, ф. 248, кн. 273, л. 691. Подробнее см.: Д.О. Серов, «Высшие администраторы под судом Петра I (Из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в.)», *Известия Уральского государственного университета*, № 39, 2005, с. 47–63.

соображениями гуманности. Религиозно окрашенный традиционный образ «милосердного государя», судя по всему, ничуть не привлекал Петра I, и он вовсе не стремился создать такое представление о себе у подданных.

Как представляется, прагматично настроенный и не лишенный представлений о справедливости, Петр I старался решать участь осужденных дифференцированно, исходя, с одной стороны, из представлений о степени общественной опасности инкриминированных им деяний, а с другой – из учета их заслуг перед государством. К тому же первый российский император вполне трезво осознавал избирательность уголовной репрессии по делам о должностных преступлениях. Поэтому, к примеру, если получение государственным служащим незаконного вознаграждения не привело к совершению иного серьезного преступления против интересов службы, Петр I предпочитал поступать с виновным в большей мере снисходительно. Именно поэтому, думается, в январе 1724 г. были помилованы ординарные взяточники А.И. Никитин и Ф.А. Болотный.

В случае же с генерал-майором Г.П. Чернышевым, изблеченным в незаконной покупке казенного леса для постройки дома в Санкт-Петербурге и в использовании на строительстве дома солдат и каторжан, Петр I, несомненно, принял во внимание не только сравнительно незначительную опасность преступного деяния, но и боевое прошлое осужденного. Григорий Чернышев являлся заслуженным фронтовиком, получившим пять ранений в боях Великой Северной войны (что, стоит напомнить, отнюдь не полностью освободило его от ответственности⁶³). Благодаря своим дипломатическим заслугам, в 1723 г. сохранил жизнь П.П. Шафиров, осужденный за служебный подлог и злоупотребление должностными полномочиями. В указе, зачитанном 15 февраля 1723 г. Петру Шафирову на эшафоте, прямо говорилось о том, что император принял решение помиловать его, «напоминая прежние твои службы»⁶⁴.

В свою очередь, холопу Алексею Немирову, осужденному в 1700 г. за ложное обвинение хозяина в государственном преступлении, Петр I заменил смертную казнь на наказание кнутом, клеймение и трехлетние каторжные работы, приняв во внимание его несовершеннолетие («что он, Алешка, не в совершенных летех»)⁶⁵. Еще более примечателен был ход мысли императора при разрешении вопроса о судьбе бывшего холопа Ф. Резанова, приговоренного Высшим судом 23 января 1724 г. к смертной казни за пособничество А.Я. Нестерову в вымогательстве взяток с жителей Ржева. В резолюции на приговоре Петр I отметил, что Федор Резанов не являлся в момент совершения преступления должностным лицом («никакого дела врученного не имел»), на

63. Петр I приговорил Г.П. Чернышева к штрафу в размере троекратного жалованья солдат и половинного денежного содержания каторжников за то время, когда они незаконно использовались на строительстве генеральского дома – что и составило указанную выше сумму в 372 рубля.

64. РГАДА, ф. 248, кн. 300, л. 272.

65. Голикова, *Политические процессы при Петре I*, с. 54.

основании чего заменил ему казнь на «политическую смерть» (что, как и в случае с А.И. Никитиным, означало наказание кнутом, вырезание ноздрей и ссылку на каторгу)⁶⁶.

Достоен отдельного упоминания эпизод, когда российский монарх впервые осознал недопустимость придания уголовному закону обратной силы. Это произошло в 1722 г., когда к Петру I поступил на утверждение приговор военного суда, вынесенный на основании Артикула воинского 1714 г. бывшему обер-коменданту Астрахани гвардии поручику М.И. Чирикову, избличенному в многочисленных преступлениях против интересов службы. Несмотря на то, что Михаил Чириков обвинялся в преступлениях, совершенных в 1717–1718 гг., император, проявив неординарную юридическую щепетильность, предписал выяснить, имел ли бывший обер-комендант возможность ознакомиться с Артикулом воинским («был ли в присылке в Астрахань... Артикул военный»). Поскольку, как было установлено путем опроса подьячих комендантской канцелярии и офицеров местного гарнизона, ни одного экземпляра Артикула воинского в Астрахань в период пребывания там М.И. Чирикова не поступало, Петр I не стал утверждать приговор, указав подготовить его новый вариант (что означало необходимость переквалифицировать доказанные судом эпизоды преступной деятельности бывшего обер-коменданта на основании иных актов уголовного законодательства)⁶⁷.

Наиболее же ярким примером приверженности первого российского императора «регулярному» судопроизводству представляется проведенный в ноябре 1724 г. процесс над камергером гвардии поручиком В. Монсом. При всем том, что Вилим Монс был уличен в разнообразных преступных деяниях (главным образом, в получении взяток и превышении должностных полномочий), в деле имелся еще один аспект: открылось, что камергер состоял в неподобающих отношениях с императрицей Екатериной Алексеевной⁶⁸. В этих условиях, имея полную возможность осудить В. Монса единолично или вовсе расправиться с ним во внесудебном порядке, Петр I предпочел соблюсти все процедуры ординарного судебного производства. В итоге, после предварительного следствия (осуществленного в весьма сжатые сроки императорским Кабинетом) дело В. Монса было направлено в Вышний суд, который вынес ему 14 ноября 1723 г. смертный приговор, незамедлительно утвержденный монархом⁶⁹.

66. РГАДА, ф. 248, кн. 273, л. 827–827об.

67. Н.Ф. Дубровин, ред., *Сборник Императорского Русского исторического общества*, т. 101, СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1898, с. 200, 208–209.

68. История взаимоотношений В. Монса и Екатерины Алексеевны, а также внешние обстоятельства разоблачения и осуждения камергера детально освещены М.И. Семевским (М.И. Семевский, *Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс: 1692–1724*, 2-е изд., СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1884, с. 106–129, 170–226). С историко-правовой стороны процесс над В. Монсом Михаил Семевский, правда, не анализировал.

69. РГАДА, ф. 6, № 157, кн. 1, л. 578–579. Преступные деяния В. Монса были квалифицированы судом по ст. 2 гл. 50-й Генерального регламента 1720 г. и по ст. 1 именного указа от 25 октября 1723 г. об усилении ответственности за преступления против интересов службы.

Остается добавить, что при вынесении и утверждении приговоров – в качестве дополнительной санкции – Петр I регулярно практиковал такую своеобразную меру как запрет погребать тела лиц, казненных за государственные преступления и за преступления против интересов службы⁷⁰. Так, приговорив 24 февраля 1712 г. к смертной казни избличенного Московской губернской канцелярией в неуказных сборах и взяточничестве коменданта г. Луха Ф.А. Волкова, царь специально предписал «труп ево в землю не хоронить (но чтоб лежал поверх земли, видим всем)»⁷¹. Не были преданы земле и тела казненных по делу царевича Алексея Петровича – в частности, шестерых лиц, обезглавленных в Санкт-Петербурге 8 декабря 1718 г.⁷². Общеизвестно, что было оставлено на виселице тело казненного 16 марта 1721 г. М.П. Гагарина⁷³. Не было погребено и тело обезглавленного 15 ноября 1724 г. В. Монса⁷⁴.

Тяготение первого российского императора к подобной форме дополнительного уголовного наказания привело к уникальному случаю, когда, получив сведения, подтвердившие эпизоды казнокрадства умершего к тому времени в ходе предварительного следствия дьяка П.К. Скурихина, Петр I вынес ему посмертный (!) приговор. 15 апреля 1724 г. император указал извлечь тело Петра Скурихина из могилы и повесить его «на железной чепе за Москвою рекою на Болоте... за то, что он, покрывая и отбывая своего воровства, во всем запырался и... повинной не принес»⁷⁵. В таком контексте не приходится удивляться осторожности, проявленной в 1721 г. главой одной из «майорских» следственных канцелярий М.А. Матюшкиным. Узнав о последовавшей 29 июня 1721 г. смерти подследственного, бывшего архангелогородского вице-губернатора А.А. Курбатова, Михаил Матюшкин не решился дать разрешение на его захоронение, а запросил особое указание Петра I на этот счет⁷⁶.

Сходный случай имел место и в связи с кончиной 21 декабря 1724 г. наказного гетмана Украины П.Л. Полуботка, находившегося под соединенным

70. Стоит заметить, что Петр I отнюдь не явился новатором в применении подобной дополнительной санкции. О сложившейся в XVII в. (и протянувшейся затем через весь XVIII в.) российской традиции факультативного непогребения тел казненных см.: Анисимов, *Дыба и кнут*, с. 584–588.

71. *Письма и бумаги императора Петра Великого*, т. 12, вып. 1, М.: Наука, 1975, с. 89, 365–366.

72. Устрялов, *История Петра Великого*, т. 6, с. 617.

73. 25 ноября 1721 г. Петр I дополнительно распорядился перевесить тело М.П. Гагарина на особо изготовленную цепь (РГАДА, ф. 1451, кн. 16, л. 97).

74. Семевский, *Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс*, с. 224.

75. РГАДА, ф. 248, кн. 703, л. 134.

76. Там же, ф. 9, отд. 2, кн. 56, л. 229. Характерно, что к тому времени было завершено расследование только 12 из 27 эпизодов, по которым обвинялся А.А. Курбатов, и сам он находился не под стражей, а под подпиской о невыезде (Там же, л. 231–231 об.; Там же, ф. 248, кн. 218, л. 206).

судом Сената и Вышнего суда и содержавшегося под стражей в Петропавловской крепости. Вышний суд направил тогда Петру I особое доношение с запросом о возможности погребения Павла Полуботка – что и было санкционировано (с оговоркой «бес церемоней») именным указом от декабря 1724 г.⁷⁷

Наконец, нельзя не отметить, что первый российский император практиковал и отложенное помилование осужденных с его участием лиц. При этом Петр I никогда не отменял прежние приговоры полностью. Осужденные освобождались в таких случаях лишь от части назначенного им наказания. К примеру, гвардии поручик Н.Т. Ржевский, осужденный в 1712 г. за взяточничество, был освобожден из ссылки по именному указу от 26 января 1722 г. (в рамках амнистии по случаю победы России в Великой Северной войне)⁷⁸. Осужденный в 1718 г. за пособничество царевичу Алексею Петровичу, В.В. Долгоруков получил освобождение из ссылки по указу Петра I от 7 мая 1724 г., изданному в связи с коронацией императрицы Екатерины Алексеевны⁷⁹. Гораздо меньше довелось ожидать государевой милости осужденным на процессе П.П. Шафирова и Г.Г. Скорнякова-Писарева сенаторам Д.М. Голицыну и Г.Ф. Долгорукову. Приговоренные 13 февраля 1723 г. за пособничество П.П. Шафирову к лишению чинов и штрафу в 1550 рублей каждый, Дмитрий Голицын и Григорий Долгоруков были восстановлены императором в чинах и должностях уже 19 февраля 1723 г.⁸⁰

Представленное обозрение участия царя и императора Петра I в судопроизводстве не исчерпывает, разумеется, всех граней избранной темы. Так, нельзя исключить, что определение монархом-реформатором тех или иных видов наказаний, отмеченные эпизоды непогребения тел казненных имели и некое магико-мифологическое значение. Установление иных аспектов деятельности Петра I в области юстиции должно быть осуществлено в рамках дальнейших изысканий.

Резюмируя изложенное выше, следует констатировать, что Петр I проявил себя как весьма активный судебный деятель, хотя и односторонне сосредоточенный на участии в уголовном судопроизводстве. В центре внимания первого российского императора неизменно находились дела по государственным преступлениям и по преступлениям против интересов службы.

При рассмотрении уголовных дел Петр I выступал в самых разнообразных процессуальных ролях – от инициатора уголовного преследования

77. РГАДА, ф. 248, кн. 1935, л. 241об.; Там же, оп. 110, № 160, л. 60.

78. Там же, кн. 1888, л. 177об. Вернувшись из Сибири, Н.Т. Ржевский сумел (напомнив о своих боевых заслугах) добиться полной реабилитации, каковая последовала, по именному указу от 11 мая 1722 г. (Там же, ф. 1451, кн. 13, л. 374).

79. П.И. Баранов, сост., *Архив Правительствующего Сената*, т. 1, СПб.: Типогр. Правит. Сената, 1872, с. 129. 23 декабря 1724 г. император также произвел бывшего генерал-лейтенанта В.В. Долгорукова в чин полковника (Там же, с. 137).

80. РГАДА, ф. 248, кн. 1922, л. 77об.; Там же, кн. 300, л. 331–332об. 15 января 1724 г. Петр I дополнительно освободил обоих сенаторов от уплаты не внесенной к тому времени суммы штрафа (Там же, л. 345).

до верховного судьи, выносившего или утверждавшего приговор. Утверждая приговоры, первый российский император предпочитал в большей мере прагматичный дифференцированный подход, не ужесточая, а, напротив, нередко смягчая назначенные судом наказания. Представляется неоспоримым, что в своей государственной деятельности Петр I в полной мере воплотил в жизнь слова «Правды воли монаршей» о том, что «должен царь пещися да будет истинное в государстве правосудие».

*Новосибирский государственный университет экономики и управления
(Novosibirsk State University of Economics and Management)*

scrov1313@mail.ru